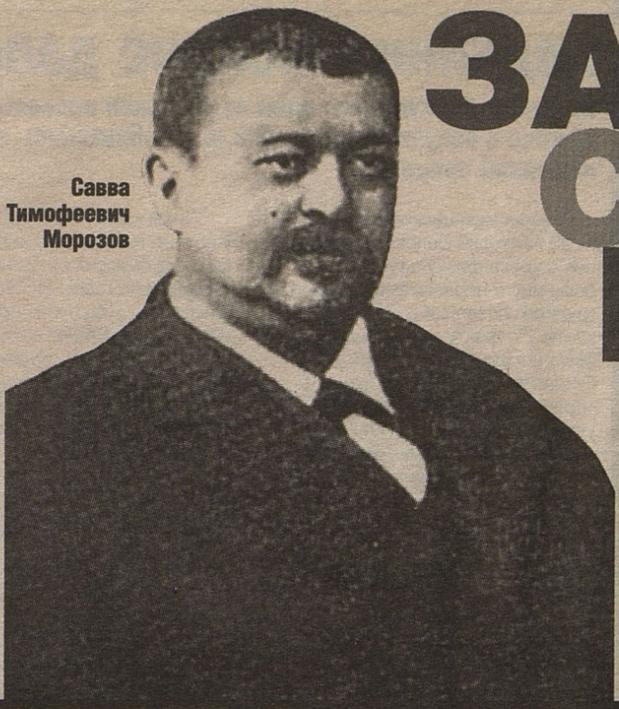

Савва Тимофеевич Морозов

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ В КАННАХ

В сентябрьском номере журнал «Звезда» публикует документальную повесть писателя Бориса Носика, который на основе собственных расследований излагает свою версию смерти на французской Ривьере русского промышленника, богача и мецената Саввы Морозова. С любезного согласия журнала «МН» печатают отрывки из повести.

Моск. новости - 2003 - 4 авг. - с. 18

«Роковая женщина» Мария Андреева

публикация

Он был достойный продолжатель знаменитой династии, потомок знаменитого Саввы Васильевича Морозова, который, оставив отцовский рыбачий промысел и испробовав множество профессий, в конце концов основал в подмосковном Орехово-Зуево ткацкое дело. Благодаря своему трудолюбию, таланту и честности он разбогател, выкупил из крепостной зависимости сыновей, пригласил «немца», помогшего оснастить его Никольскую мануфактуру новейшими английскими машинами, и умер добрым старообрядцем (несмотря на греховное пристрастие к табаку) в 1862 году (92-х лет от роду). Сын его Тимофей Саввич соединил старообрядческую религиозность с европейского типа коммерческим талантом и умер на своей крымской даче коленопреклоненным, во время молитвы (в 1889 году). Вдова его Мария Федоровна была ревнительницей «старой веры» и щедрой меценаткой, пожертвовавшей многие сотни тысяч не только на высшее техническое училище в Москве (впоследствии МВТУ), но театр для рабочих и богадельню, но даже и на восстановление сгоревшей синагоги в белорусском местечке.

Савва Тимофеевич, представитель третьего, просвещенного поколения Морозовых, учился в университете, закончил естественное отделение физико-математического факультета, потом слушал лекции в английском Кембридже, изучал ткацкое дело в Манчестере, а вернувшись домой, в подмосковное Орехово-Зуево, стал директором Никольской мануфактуры вместо ушедшего на покой отца. Он был сторонником всяческих реформ в ведении хозяйства и в политике, а также, как водилось тогда у русских богачей, особенно у старообрядцев, щедрым меценатом. И надо сказать, жертвовал он не только на нужды бедных или, скажем, высокого искусства, но и помогал всяким политическим партиям, расшатывавшим основы режима (увы, как все режимы, несовершенного). Надо сказать, что старообрядцы даже и в начале XX века были в России преследуемым меньшинством.

Мой парижский знакомый профессор Леон Поляков посвятил одну из своих книг сходу, которое он усмотрел в судьбе старообрядцев и евреев: та же деловая активность, то же умение вести дела, те же склонность к филантропии и враждебность к властям (не проявлявшим к ним, впрочем, снисходительности), то же «нетерпение сердца» и участие в революционном движении...

Так или иначе, Савва Тимофеевич жертвовал на социал-демократов, в частности, на ленинских «большевиков». Легко предположить, что при этом Савва не вникал ни в истинные

намерения Ильича, ни в заметные при близком рассмотрении страшноватые черты характера будущего диктатора. Ему было не до того, к тому же при нем была женщина «от Ильича». В последние годы своей жизни артистичный Савва Морозов пережил сильное увлечение Художественным театром, стал щедро вкладывать деньги в новый театр, по существу был одним из его создателей: недаром же и в сквозь самые страшные годы беспартийный бюст Саввы уцелел под крышей театра.

Под крышей любимого театра и нашлась для него роковая женщина. Звали ее Мария, Мария Федоровна Андреева, жена сенатора Желябужского... В 1908 году она ездила в США в качестве гражданской жены Горького (что привело в смятение высоконастроенных американцев), а до того была в какой-то степени и супругой Саввы Морозова, что наверняка подпортило ему отношения с его законной супругой Зинаидой Григорьевой и всем кланом Морозовых.

М.Ф. Андреева в то время уже была агентом Ленина, который, изумляясь ее подвигам, называл ее «товарищ феномен». Иные вполне партийные авторы называют ее «финансовым агентом Ленина» и «эмиссаром партии»... На путях добывания денег Ленин не признавал никаких моральных препятствий... Более тонкими операциями по изъятию («экспроприации») чужих денег ведал хитрейший Леонид Борисович (или Лев Борисович) Красин (подпольная кличка Никитич). Красавица Андреева, скорей всего, и действовала под непосредственным руководством Красина, разработавшего операцию по «экспроприации» морозовских денег (не только у Саввы, но и у его племянника Шмидта)...

В феврале 1905 года Савве пришлось внести 10 000 за освобождение из-под стражи арестованного Горького и 10 000 за арестованного Андреева (впоследствии Горький отказался вернуть вдове Морозова эти деньги). Крупные суммы Андреевой удавалось вымогать и раньше, в чем ее упрекал Станиславский в одном письме 1902 года: «Вы хвастаетесь публично перед посторонними тем, что мучительно ревнующая Вас Зинаида Григорьевна ищет Вашего влияния над мужем. Вы ради актерского тщеславия рассказываете направо и налево о том, что Савва Тимофеевич, по вашему настоянию, вносит целый капитал ради... спасения кого-то».

... В апреле 1905 года Горький вдруг приехал к Савве домой на Спиридоновку. Может, Л.Б. Красин решил, что влиятельному «финагенту» Горькому удастся мирным путем выбить из капиталиста большие деньги. По свидетельству домашних, «между Саввой Тимофеевичем и Алексеем Максимовичем состоялся пристрастный разговор, закончившийся ссорой».

В это время Морозов уже лечится от расстройства нервов. Неуровновешенность и «странности» были типичны для третьего поколения Морозовых. Но он идет на поправку, и врачи предлагают ему закрепить успехи тогдашней панацией – поездкой за границу. Здоровье Саввы Тимофеевича поправилось, но надежды избавиться от усиленного внимания большевистских шпионов (Зинаида Григорьевна называла их «шушеры») не оправдалась: они слонялись под окнами гостиниц и в Берлине, и в Париже, и в Виши. Зная о предстоящем отъезде Морозова на Ривьеру, в Виши скоро нагрянул и сам Красин... Через неделю он объявился незванным и в каннском «Руайяль-отеле». Существуют два разных сообщения об этом визите. Согласно одному из них, «Савва отказал Льву Борисовичу в аудиенции». Согласно же рассказу родных Саввы (записанному в 1990 году на магнитофон американским историком Ю. Фельштинским в присутствии московского историка Н. Пирумовой), Морозов потребовал, «чтобы его ввели в курс дел»: «А дальше, когда он столкнулся как раз, может быть, со всякими проявлениями терроризма, то тут он и начал, может быть, спрашивать, а что, собственно говоря, почему, зачем, может быть, на этом он споткнулся».

Расходятся и версии убийства (или самоубийства). Их несколько. Красин утверждает в своих мемуарах, что он посетил Морозова только один раз. Но тут же, противореча себе, сообщает, что последний «знос на партию» он получил с Морозова за два дня до его гибели. Значит, он все-таки был в Каннах? По версии, изложенной в очень советской книжке внука С.Т. Морозова, Зинаиды Григорьевны не было в отеле в минуту гибели Саввы. Вернувшись, она увидела мужа лежащим на полу. Рядом лежал браунинг. Что стало потом с браунингом? Что выяснила французская полиция? Скорее всего, французская полиция, согласно живой и ныне традиции, старалась держаться подальше от чужих тайн. Ее делом было отправить труп на родину, упаковав в три гроба.

Версия близкой подруги вдовы Морозова, записанная много десятилетий спустя американским историком, выглядит совершенно иначе: «Я хорошо помню Зинаиду Григорьевну. Это была красивая представительная женщина... Однажды она рассказала о трагических событиях, которые произошли в Каннах в мае 1905 года. Она была единственным свидетелем гибели своего мужа. Зинаида Григорьевна утверждала, что Савва Тимофеевича застрелили. Будучи рядом с комнатой, где находился муж, она услышала выстрел. От испуга на какое-то мгновение остолбелела, а затем, придя в себя, вбежала к нему. Через распахнутое

окно она увидела убегающего мужчину».

Среди документов, отправленных тогда французской полицией в Россию, был кусочек картона с надписью «В моей смерти прошу никого не винить». Эксперт, недавно слывшая записку с письмами Морозова, пришла к выводу о «совпадении почерков», но отметила, что в записке «упрощенный вариант почерка». Полагаю, что таким специалистом, как Красин, при наличии целой коллекции морозовских писем и Горькому, и Андреевой воспроизвести «в упрощенном варианте» почерк «кандидата в покойники» было не слишком трудно.

Официальной полицейской (и большевистской) версией гибели С.Т. Морозова было самоубийство, но легко догадаться, что и французской, и русской полиции такая версия была наиболее удобна. Удобной эта версия оказалась также для бывшего премьер-министра С.Ю. Витте и товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского, приводивших ее в своих мемуарах, которые были написаны уже после октябряского переворота. Как считал Джунковский, «С.Т. Морозов шел до того, что дал крупную сумму революционерам, а когда окончательно попал им в лапы, то кончил самоубийством». Но похоже, дело-то было именно в том, что Савва не согласен был дать «крупную сумму», на которую рассчитывали Ленин и Красин: события последних месяцев подорвали его доверие к большевикам. Морозов поссорился и с Горьким, и с Красиным. Усложнились, видимо, и отношения с Андреевой.

В секретном донесении Департаменту полиции после похорон Морозова московский градоначальник граф П.А. Шувалов сообщал: «... по полученным мною из вполне достоверного источника сведениям покойный Савва Морозов находился в близких отношениях с Максимом Горьким, который эксплуатировал средства Морозова для революционных целей; незадолго до выезда из Москвы Морозов рассорился с Горьким, и по приезде Морозова в Канны к нему, по поручению Горького, приезжал один из московских революционеров, а также революционеры из Женевы, шантажировавшие покойного...»

Чем можно было шантажировать Морозова, полиция не знает, но предположение о шантаже вполне здравое. Чем-то Савве должны были угрожать большевики, не только же браунингом и дальнейшим воздействием на его расстроенные нервы... Как закоренелые любители, поищем, кому могло быть выгодно убийство Морозова. И без труда обнаружим, что тому же Красину (в сговоре с которым был гуманист Горький). Раз Морозов не собирается отколоть крупный куш на ленинские дела «похорошему», придется пустить в ход

«страховой полис». Оказывается, что у Андреевой был страховой полис «на предъявителя» – жизнь Саввы была застрахована на 100 000. Как попал этот документ в руки Андреевой, и не был ли он подделан или украден, зачем подписал себе Савва смертный приговор и сам ли подписал – этого я сказать не могу. Известно, что любовь зла... По завещанию (нотариусом не заверенному) наследницей Саввы Морозова становилась после смерти его вдова (и его четверо детей), так что красинская операция по экспроприации денег убитого еще не была на этом закончена. Актриса судилась с вдовой покойного и его четырьмя сиротами. Вдова проиграла, и деньги через Красина (Андреева так и написала – «отдать деньги Л.Б. Красину») ушли к Ленину. Конечно, обращение к материалам московской судебной тяжбы по наследству могло бы укрепить ту или иную версию загадочной смерти в Каннах, но большевики позаботились о том, чтобы все материалы из архива изъять.

Романист Марк Алданов написал поздней роман о самоубийстве Морозова. Подробностей про всю морозовскую операцию Л.Б. Красина, ставшего почтенным советским послом, Алданов, вероятно, не слышал. А скорее всего, она не соответствовала его творческой задаче.

Посочувствовав этому в сущности симпатичному мне Алданову, я набрал номер телефона, которым снабдила меня художница Ксения Кривошеина (брат Саввы Тимофеевича Сергей был женат на сестре министра Александра Кривошеина, Ольге Васильевне)... К телефону подошла живущая в Париже Мария Николаевна Ненарокова, в девичестве Карлова. Сестра Саввы Тимофеевича против воли родителей вышла замуж за молодого ученого Геннадия Федоровича Карлова. Их сын Александр Геннадиевич и был послан в мае 1905 года в Канны на помощь убитой горем вдове Саввы. Он взял на себя все хлопоты и доставил гроб с телом в Москву. «Кого же считал убийцей Александр Геннадиевич Карпов?» – спросил я у его племянницы. Вопрос был любовой. И, надо сказать, Мария Николаевна не стала ходить вокруг да около.

– Дядя Саша, мамин брат, говорил, что Красин его убил, – любезно сообщила мне Мария Николаевна.

– Ну, а как насчет самоубийства? – осведомился я.

– Да что вы! Разве бабушка Мария Федоровна позволила б самоубийцу на Рогожском кладбище хоронить?

Я вспомнил, что внучатый племянник С.Т. Морозова Кирилл Кривошеин называл вдову Тимофея Саввича «адамантом старой веры», и согласился, что нет, невозможно.

Morozov Sava
(Исчерпан)

408.03.